

РЕЦЕНЗИИ

Новые работы по антропонимии Урала

Мосин А. Г. Уральский исторический ономастикон. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2001. – 516 с.;

Он же. Уральские фамилии. Материалы для словаря. Т. 1. Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года). – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2000. – 496 с.

Назаров А. И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. – Алматы: Комплекс, 2003. – 180 с.

В исследованиях по антропонимии наряду с решением теоретических проблем весьма актуальным оказывается выявление и изучение конкретного материала отдельных территорий России, которое позволит максимально собрать как современные данные, так и антропонимы ушедших эпох. На протяжении нескольких десятилетий в разных областях страны проводится сбор, исследование и лексикографирование местного антропонимического материала [см.: Щетинин, 1972; Никонов, 1988; Чайкина, 1995; Королева, 1999 и др.]. Особенно повезло в этом отношении Уралу: в конце прошлого столетия были опубликованы отдельные словари пермских фамилий (т. е. фамилий Западного Урала или Прикамья) [см.: Шумилов, 1991, раздел «Фамилии»; Полякова, 1997] и лексикографическое сопоставительное описание фамилий, функционирующих одновременно в Пермской, Курганской областях (Уральский регион) и в Архангельской области [см.: Житников, 1997]. В самом начале XXI в. появились новые, очень содержательные исследования по уральским прозвищам и фамилиям, актуальные для антропонимистов, лексикологов, историков не только Урала, но и всей России.

Разработанный доктором исторических наук А. Г. Мосиным «Уральский исторический ономастикон» (далее – УИО) является первым и очень успешным опытом подготовки и публикации регионального труда особого жанра. В нем собраны и рассмотрены прозвища (или некалендарные имена) русских, а также имена (прозвища) представителей нерусских народов, зафиксированные в документах XV – первой половины XVIII в. на обширной территории – от Прикамья до Западной Сибири. Автор отмечает, что в книгу включены также «сведения о населении сибирских городов Тюмени и Тобольска с уездами, составлявшем единое целое с населением Среднего Урала и Зауралья» [УИО, 4].

А. Г. Мосиным изучено большое количество памятников письменности разных жанров (главным образом переписных документов) в государственных архивах Свердловской и Тюменской областей, Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике, Российском государственном архиве древних актов, архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской академии наук, Российской государственной библиотеке. Кроме того, в УИО включены данные антропонимических словарей и исторических исследований, в которых представлены прозвища жителей Урала изучаемого времени или людей, временно связанных с этой территорией (*Василий Андреевич Ковер*, князь, русский наместник Перми Великой, 1505; *Едигер*, князь сибирских татар, 1555–1556). Это важно, так как делает доступным для читателя материал, опубликованный в раритетных или малотиражных изданиях. В результате в УИО представлено более чем 2 700 прозвищ.

Следуя традициям, заложенным в таких трудах, как «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова [1903] и «Ономастикон» С. Б. Веселовского [1974], А. Г. Мосин разрабатывает далее структуру словарной статьи и создает оптимальный, на наш взгляд, ее вариант. Помимо заглавного слова – прозвища (некалендарного или нерусского имени¹), в статью включаются полный антропоним, в котором фиксируется прозвище (например, *Богдашка Загвазда, Тренка Кирьянов Варзуга, Еремка Матвеев сын Скобелка, Ивашка* прозвище *Ляпа Борисов, Степан Федоров сын Бурмагин* «по назвищу» *Мужик*). Во многих случаях в памятниках отмечен антропоним из одного слова, особенно это касается иноязычных именований: *Атыкай, Аючей, Кабык, Екберда*. Фамилии, как в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского, в УИО не рассматриваются, и это оправданно: хотя в памятниках XVI – первой половины XVIII в. фамилии и называли прозвищами, они были иначе грамматически оформлены и выполняли другую функцию, нежели собственно прозвища или некалендарные имена.

В УИО включены преимущественно однословные прозвища, хотя в редких случаях отмечаются и словосочетания: *Антон Деревянные Ноги*, крестьянин с. Покровского Богоявленского монастыря, 1698; крестьянин Чусовского Верхнего городка *Алешка Михайлов сын Долгие Дрова*, 1623; *Фетка Короткие Руки*, ямщик в туринской Ямской слободе, 1624. Нередко однословные прозвища имеют в основе два корня: житель Соли Камской *Ивашка Филипов сын Коротколап*, 1623; *Ивашко Семенов сын Корноух*, тюменский казак, 1641, что характерно для многих тюркских антропонимов: *Девлеткилдей, Девлеткирей, Девлетбай, Баймет, Баймурат, Баймурза, Байсара, Караабыз, Карабай, Карабаши* и т. д.

В каждой статье приводятся также данные о месте проживания носителя прозвища, его занятии и дата фиксации антропонима: *Ивашко Вершинин Теплоух*, пашенный крестьянин Туринского острога, 1641; *Илейка Устинов Каргополец*, тюменский посадский, 1623; крестьянин д. Кривец на р. Обве *Якушко Васильев сын Дехтябрь*, 1623; *Иван Селиверстов Кокшар*, пришлый («меж двory скитаеца Христовым именем»), в 1710 жил в д. Пожарище Беляевской слободы.

У носителей нерусских именований указывается выявленная из источника или предполагаемая (также на основании источника) национальная принадлежность.

После каждой характеристики человека с тем или иным прозвищем или некалендарным именем сделана ссылка на источник: *Пятунка Табанаков*, тюменский конный стрелец, 1641 (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1, Д. 43. Л. 209 об.²).

В том случае, когда в памятниках содержатся какие-либо другие сведения о человеке, дающие возможность рассматривать особенности возникновения или употребления его прозвища, они тоже представлены в словарных статьях. Так, указание на место рождения или на населенный пункт, откуда прибыл человек, раскрывает основание, мотивировку оттопонимического прозвища: *Захарко Ярофеев сын Кокшар*, родился в д. Березовке, в Кокшенской чети Важского уезда, в 1680 – пашенный крестьянин Невьянской слободы; *Матюшка Иванов сын Кукарец*, родился в Кукарском городке Казанского уезда, в 1691 – крестьянин в д. Черемисской на р. Исети; *Тимофей Ларионов УSOLEC*, «пришлый человек Соли Камские», в 1710 – в Калиновской слободе; *Федка Мокеев сын Колмогорец* (из Холмогор. – Е. П.), родился в вотчине Антониево-Сийского монастыря под Архангельском, в 1680 г. – оброчный крестьянин Камышловской слободы.

Таким образом, УИО хорошо отражает путь от катойконимов, гидронимов, названий волостей к личным прозвищам и содержит значительное количество оттопонимических именований. Здесь представлены прозвища, полностью совпадающие по форме с названием населенного пункта (с нулевым антропонимическим суффиксом), и параллельно – прозвища от тех же ойконимов, оформленные суффиксами *-ец, -анин, -енин, -итин*, ср.: *Богдашко Кокшар – Левка Осипов сын Кокшарец, Корнило Семенов сын Колмогор – Ивашка Кузмин сын Колмогорец, Ивашко Вологда – Богдашко Воложанин, Ивашко Колуга – Вечай (Нечай) Григорьев сын Калуженин, Евгений Леонтьев сын Кострома –*

¹ В очень редких случаях в УИО вошли производные имена, образованные от календарных полных: *Макидонко* от *Македоний*, *Егоша* от *Егор* из *Георгий*, *Елеферка* от *Елеферий*.

² Используются принятые в археографии аббревиатуры, в данном случае: РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Ф – фонд, Оп – опись, Д – дело, Л – лист, об. – оборотная сторона.

Федка Костромитин. От ойконимов и гидронимов возникали прозвища с исходом *-ак*, ср.: *Ивашко Унжа* – *Михайло Григорьев Унжак*, р. Юг – *Семейка Прокопьев Южак*. УИО сохраняет все варианты оттопонимических прозвищ: *Полуяно* *Ларионов сын Южак* – *Молчанко Южанин* – *Пашко Юженин*.

Оттопонимические именованья играют большую роль в исследованиях историков и лингвистов, так как характеризуют источники заселения Урала и миграции населения на самом Урале и в Западной Сибири. Значительная его часть пришла на Урал с Русского Севера (*Вага*, *Важанин*, *Верхолалец*; *Вологда*, *Вологжанин*, *Вологженин*; *Каргопол*, *Каргополец*; *Колмогор*, *Колмогорец*; *Лалета*, *Лалетин*; *Мезеня*, *Мезенец*; *Пинега*, *Пинежанин*, *Пенежанин*; *Поморец*; *Сольвычегодской*; *Сысоленин*, *Сысолец*, *Сысолянин*; *Устюжанин*). Показания антропонимии весьма актуальны для рассмотрения источников западно-уральских, среднеуральских и западно-сибирских русских говоров.

Заселение восточного склона Урала и Западной Сибири в тот период шло преимущественно через Прикамье (Пермь Великую, Соль Камскую, Кунгурский уезд, Осинский уезд³), что нашло отражение в оттопонимических прозвищах прикамского происхождения, зафиксированных в УИО: *Верхокамец*, *Еговец*, *Инвинец*, *Искорец*, *Косинец*, *Кунгур*, *Кунгурец*, *Майкарец*, *Пермитин*⁴, *Соликамской*, *Сурможской*, *Сылвинец*, *Усолец*⁵, *Чердынец*, *Чусовитин*, *Чусовской*, *Яйвинец*. Оттопонимические прозвища свидетельствуют о постоянной миграции на Среднем Урале и в Западной Сибири: *Верхотурец*; *Пельмец*, *Пельмской*; *Сургуцкой*; *Тагилец*; *Тюмонец*, *Тюменской*, *Тюмянин*.

В целом же оттопонимические прозвища говорят об очень широкой географии связей уральцев в XVI–XVIII вв. не только с разными территориями России (*Калуженин*, *Колуга*; *Кострома*, *Костромитин*; *Кукара*, *Кукарец*⁶; *Москаль*, *Москва*, *Москвитин*; *Свяжанин*, *Свяженин*; *Синбирец*; *Тюмянин*; *Туленин*; *Чебоксар*, *Чебоксарец*; *Юрьевец*; *Ярославец*), но и за ее пределами (*Копланда Бухаретин*, служилой татарин в Тюмени, 1633).

О связях Урала с другими территориями говорят также апеллятивы и прозвища этнонимического характера. Апеллятивы, показывающие национальную принадлежность жителей Урала, характеризуют прежде всего постоянное население исследуемой территории – представителей финно-угорских и тюркских народностей. В УИО множество именованных угров – манси (вогулов) и хантов (остяков): *Кабак Брили*, тагильский ясачный вогул, 1626; *Айдар Сангилков*, вишерский ясачный вогул, 1605; *Апсеит*, чусовской ясачный вогул, 1626; *Атук Тончаров*, туринский ясачный вогул, 1625; *Калман Нергиев*, ясачный вогул на р. Ляле, 1626; *Калис Вельцын*, ляпинский остяк, 1643; *Акилдейко Андреев*, сылвенский остяк, 1606; *Азяхмат Ероно*, кодский остяк, 1663; *Акберда Алвгузов*, невянский остяк, 1626; *Анка Конжиков*, кодский остяк, 1662/1663. Из финноязычных жителей Урала апеллятивами определяются только марийцы (черемисы): *Алкобай*, сотник оброчных черемис, 1685; *Бекмерзачко Бахтыбаев*, черемисин, пришел в Колчеданский острог, 1682; *Башильда Бакишизов*, черемисин на р. Ирени, 1623.

Среди представителей тюркоязычных народностей чаще всего отмечаются татары (*Енбат Менлыбаев*, ясачный татарин в Верхних Терсяках на р. Чусовой, 1626; *Акбашка Кинбаев*, татарин в Кунгурском у., 1675; *Байбулатко Тенигашев*, татарин, родился на р. Таныпе в Уфимском у., 1693; *Бече Чирантеев*, пельмский татарин, 1598; *Байгоза Бактерьяков*, сылвенский татарин, 1653) и башкиры (*Абдулла Каишкынов*, башкир, старшина Салзауцкой вол., 1737; *Балила Бахтиразин*, башкир на р. Тулве по Осинской дороге в Уфимском у., 1642; *Каишкыльда*, башкирский сотник, жил у оз. Порохова, недалеко от Катайского острога, до 1695). Иногда упоминаются мешеряки: *Кайбиско Узеев*, мешеряк Осинской дороги Уфимского у., 1682; *Тохтар*, ясачный мешеряк, увен в полон башкирами, 1736. В ряде случаев отмечено крещение нерусских и появление у них христианского имени: *Баймурза Артыбаев*, чусовской вогул, после крещения *Павлик Артыбаев*, 1621.

³ Изначально – Осинская дорога Казанского уезда.

⁴ *Пермитин* – житель Перми Великой (Чердыни) любой национальности.

⁵ Имеется в виду Усолье Камское, как первоначально назывался Соликамск: *Ивашко Микитин сын Усолец*, сын соликамского посадского, пашенный крестьянин Невьянской слободы, 1660; *Алешка Петров сын Усолец*, родился в Соликамске на посаде, с 1679 в Краснопольской слободе.

⁶ Ср.: *Матюшка Иванов сын Кукарец*, родился в Кукарском городке Казанского уезда, в 1691 – крестьянин д. Черемисской на р. Исети.

Иногда точно установить национальную принадлежность не представляется возможным, и А. Г. Мосин, опираясь на данные памятников, указывает ее предположительно: *Еразбай*, верх-уфинский ясачный татарин или вогул, 1626; *Бекберда*, верх-уфинский ясачный татарин или вогул, 1626; *Ачай Баувеков*, ясачный татарин или остяк на оз. Аяте (Аятском), 1626. Многие имена/прозвища тюркского происхождения в УИО отмечаются одновременно у разных народностей: *Бекбай* (башкир, татарин), *Бекберда* (татарин, вогул), *Камай* (татарин, башкир), *Канмурза* (остяк, вогул).

Апеллятивами показана также национальная принадлежность людей, попавших на Урал из различных европейских государств: *Бергнус*, капитан, пленный швед в Соликамске, 1713; *Анца Пеккуев*, «немчин» («латыш»), сослан в Тобольск через Верхотурье, 1601; *Каштир Орховский* (Ольховский), тобольский жилец, литвин, 1601; *Рейнгольд-Иеган Эгельбрест*, драгун, пленный швед, послан на жительство в Соликамск с сыном Эрнцем-Иеганом, 1713; *Федка Иванов сын Казанец*, «родом поляк, жил в Казани в бобылях», крестьянин Камышевской сл., 1695.

В то же время этнонимы закреплялись и как личные прозвища, которые впоследствии становились основой многих фамилий. Прозвища этнонимического происхождения, зафиксированные в УИО, дают более широкую картину национального многообразия Урала, чем апеллятивы: житель Соликамской *Родка Чуваш*, 1623; *Иван Черкас*⁷ *Александров*, атаман ермаковских казаков, 1583; *Тимошка Черкасской*, беломестный казак Пышминской сл., 1664; *Филип Трофимов сын Турчанин*, «родом он турецкой породы», в Соликамске, 1707; *Олешка Югрин*, туринский ямщик, 1622; *Омелка Яковлев сын Калмык*, пашенный крестьянин Беляковской сл., 1690; *Казарин Волнин*, атаман, против Кучума, 1598; *Васка Михайлов сын Калмык*, оброчный крестьянин Ирбитской слободы, 1666; *Чердынец Андрюшка Корела*, 1579; *Афонька Васильев сын Нахрат*, в Лябове Городище на р. Каме, 1623; *Катайко Петров*, тюменский пашенный крестьянин, бывший ямщик, 1623.

Только прозвища являются свидетельством происхождения коми-зырян и коми-пермяков, когда указания на их национальную принадлежность в виде апеллятивов отсутствуют: *Тимошка Борисов сын Зырян*, родился в Зюздинской волости Кайгородского у., 1674; *Васка Степанов сын Зырян*, родом вычегжанин Еренского городка с Усть-Выми, 1677; *Семейка Федоров Зырянин*, тюменский посадский, 1623; *Якунка Пермин*, бобыль, жил в д. Ерзовке возле Верхотурья, 1621; житель Чусовского городка *Киприянко Константинов сын Пермин*, двинянин, 1647; *Игнашка Семенов сын Пермь*, родился в Медянской вол. Вятского у., 1695. Это объясняется, видимо, тем, что коми-зыряне и коми-пермяки, принявшие христианство, записывались составителями документов с русскими календарными именами и отчествами (и полуотчествами), что отличало их от жителей Урала других религий (тюркоязычных и угроязычных), и писцы не считали необходимым давать им этническую характеристику. Даже в тех случаях, когда в антропониме было имя или прозвище коми, национальная принадлежность человека не указывалась: *Юз*⁸ *Леонтьев*, крестьянин д. Федорово на р. Обве, 1579; *Данилко Чипиш*⁹, крестьянин в Невьянской сл., 1624; *Лунежко*¹⁰ *Нестеров* в д. Нестерове на р. Косе, 1579. И в обширных словарных статьях на прозвища *Зырян*, *Зырянец*, *Пермин*, *Пермяк*, содержащих большое количество примеров из текстов памятников, все имена и отчества являются христианскими, пришедшими в коми языки через русский язык.

Большое количество словарных статей на нерусские прозвища/имена весьма ценно для ономастологов, изучающих не только тюркскую или финно-угорскую ономастику, но и для русистов, так как в современной топонимии многих русских территорий и в русских фамилиях значительную часть основ дали иноязычные прозвища.

Однако основную массу рассмотренных в УИО антропонимов составляют русские прозвища. Помимо прямых указаний на род деятельности, профессию человека (*Ивашко Михайлов Касим*, винокур в Верхотурье, до 1665), зафиксировано большое количество прозвищ, свидетельствующих о занятиях людей: *Бердник*, *Бортник*, *Бочкарь*, *Кадошник*, *Каменичик*, *Кожевник*, *Колесник*, *Колокольник*,

⁷ *Черкасами* в XVI–XVII вв. называли украинцев.

⁸ Ср.: коми *юг* – молния [ССКЗД, 450]. У русских на Урале в XVI в. вместо слова *юг* (название части света) употреблялось слово *полдень* [СПП, 4, 92].

⁹ Ср.: коми *чипиш* – берестяная солонка, торба для дачи овса лошади, короб из драни [ССКЗД, 412].

¹⁰ *Лунежко* от *Лунег* – коми-пермяцкого имени с формантом *-ег* [Кривошекова-Гантман, 1976, 92].

Конюх, Кормщик, Красильник, Кузнец, Проскурjak, Рыболов, Салдат, Судовщик, Скудельник и т. д. По приведенным текстам обычно очевидно, что мы имеем дело с прозвищем – именем собственным, так как в словарных статьях даются сведения и о других занятиях носителей прозвищ: *Сенька Колокольник*, плавильщик, «послан из Соликамска в Верхотурье по рудному делу», 1644; о нем же: «послан от медного дела плавильщик Сенька Колокольников» (видимо, плавильщик Сенька лил медные колокола).

Отмечаются также подобные «профессиональные» прозвища у пеших и конных стрельцов: *Андрюшка Ларионов Бортник*, тюменский конный стрелец, 1641; *Тихонко Иванов Кожевник*, тюменский конный стрелец, 1641; *Осташко Дементьев Сапожник*, тюменский стрелец, 1641. Среди стрельцов, как свидетельствует УИО, было много людей, получивших прозвища по роду занятий: сапожников (*Семейка Михайлов Сапожник*, тюменский стрелец, 1623; *Жданко Малафеев Сапожник*, тюменский конный стрелец, 1649; *Володка Сапожник*, верхотурский стрелец, 1649), коновалов¹¹ (*Васка Коновал*, верхотурский стрелец, 1620; *Томилко Фокин Коновал*, тюменский стрелец, 1641), кожевников (*Тихонко Иванов Кожевник*, тюменский конный стрелец, 1641; *Филка Кожевник*, верхотурский стрелец, 1665). Прозвища свидетельствуют о том, что их носители имели побочные занятия, не связанные со службой.

Вместе с тем подобные прозвища также имели, судя по данным УИО, беспашенные крестьяне, бобыли, для которых занятие каким-либо делом, ремеслом было актуальным и нередко основным (беспашенный крестьянин пог. Кольчуг *Ивашко Каменщик*, 1579; чердынский беспашенный крестьянин *Степанко Колашник*, 1579; *Первушка Ларионов сын Черепан*, бобыль в Орле-городке, 1623). Такие именованья находятся на грани между апеллятивами и именами собственными, и в некоторых случаях за прозвище принимается апеллятив: *Васка Андреев Литвин Трубач*, тюменский конный казак, 1623. По приведенным в УИО текстам также видно, как основой прозвища становился апеллятив. Так, в 1623 г. упоминается *Митка Токманаев*, тюменский толмач (апеллятив, свидетельствующий о роде занятий) и его сын – тюменский конный казак *Куземка Толмач* (уже прозвище).

Особый интерес исследователей вызывают прозвища, характеризующие людей по их индивидуальным качествам (*Горбатой, Горбач, Горбун, Говорливый, Говоруха, Долган, Долгой, Коряк, Коряка; Лысан, Лысой; Суморок, Тонкой*), причем нередко они появлялись на основе метафоры – сравнения с птицами (*Селезень, Соловей, Баклан, Клест*), рыбами (*Ериш*), животными (*Крыса, Собака, Соболь, Конь, Кляча, Коза*), насекомыми (*Клец*), растениями (*Капуста, Сосна*), различными предметами (*Клин, Колода, Кокора, Копыл*), продуктами питания (*Коврига, Простокваша*), явлениями природы (*Падера, Полдень*). Метафорические антропонимы в ряде случаев выступали как имена некалендарные: *Зайко Шипицын*, крестьянин Камышловской слободы, 1698.

Такие именованья позволяют реконструировать значительный пласт нарицательной лексики, которая существовала в живой речи на различных территориях России, но часто не могла попасть в памятники письменности, так как не было подходящей ситуации для ее отражения в текстах. Однако она сохранилась в ономастике, в частности в прозвищах.

Особенно важна реконструкция на основе антропонимов забытых или диалектных слов: *Матвей Федоров Брусница*, крестьянин д. Елуниной в Белоярской сл., 1710; *Мишка Павлов сын Кекурской* (от *кекур* ‘скала на равнине’), пашенный крестьянин д. Ключевской на р. Нице, 1680; *Григорей Алексеев сын Коточиг* (от *коточиг* ‘кочедык, шило для плетения лаптей’), крестьянин Багаряцкой сл., 1719; *Ивашко Офонасьев сын Падера* (от *падера* ‘метель’), крестьянин Камышловской слободы, 1680; *Якунка Простокваша* (от *простокваша* ‘простокваша’), туринский служилый, 1641; *Карсак* (от *карсак* ‘корсак, степная лисица’), служебник Далматовского монастыря, 1673; житель Соли Камской *Ивашка Вакорев* (от *вакорь* ‘кривое низкое дерево’) сын *Лалетин*, 1623; житель Соли Камской *Иван Григорьев сын Воронихин Верещага* (от *верещага* ‘тот, кто верещит; крикливый человек’), XVII в.

Важно, что в УИО не просто фиксируются такие прозвища из диалектизмов, но отмечаются территории, где жили носители таких прозвищ, т. е. места, где эти слова были обычными в живой речи, всем понятными и употребительными. В исторической лексикологии русского языка предстоит еще очень многое сделать для реконструкции и изучения территориально ограниченной лексики. И для накопления материала к этой работе весьма необходимы такие издания, как УИО.

¹¹ Коновал – ветеринар, конюх.

Интересные данные представляют прозвища для исследования исторического словообразования антропонимов. В памятниках письменности, особенно в переписных документах, редко фиксировались женские антропонимы, так как там переписывались главы семей – налогоплательщики. Однако отдельные случаи записи именованных женщин (вдов или нищих) отмечаются: *Анюта Казанка*, нищая в слободке Новое Усолье, 1623. Обычно вдов записывали с прозвищем на *-иха*: вдова казачья *Семейкинская жена Марыца* прозвище *Козачиха*, жительница Тюмени, 1624; *Матрона Диомидова* дочь *Коневалиха*, вдова крестьянина Троицкого Рафайлова монастыря, вкладчица Далматовского монастыря, 1698; с Арамиллю вдова *Феодосия Моториха*, вкладчица Далматовского монастыря, 1685. В XVII в., видимо, именование женщин прозвищем на *-иха*, образованным от антропонима мужа, было настолько естественным и принятым, что даже, записывая их в монастырских документах с полными каноническими именами (*Матрона Диомидова дочь, Феодосия*), а не адаптированными к русскому языку (*Матрена Демидова дочь, Федосья*), сохраняли прозвища на *-иха*, возникшие в живой речи.

А. Г. Мосин очень бережно относится к текстам памятников. В цитируемых материалах сохраняется орфография антропонимов: обычные в скорописи XVI – первой половины XVIII в. выносные буквы, обозначающие и твердые, и мягкие согласные, вводятся в строку, как это принято в публикациях текстов памятников, без специального обозначения мягкости (*Сенка* вместо произносившегося *Сенька*, *Васка* вместо *Васька*); в нерусских словах передается начальный звук [ы] (мансийские, хантыйские, татарские имена *Ынир*, *Ылтай*, *Ыян*, *Ышберда*), [ы] после звука [к] (*Кычан*, *Кызылбай*), после [ч] (*Чыныр*) и др. Принятая в научных публикациях точная передача записи антропонимов в документах XV–XVIII вв., за исключением изъятия некоторых отсутствующих в русском гражданском шрифте букв кириллицы («зело», «и десятеричное», «юсы», «ять», «фита», «ижица», «кси», «пси», «е йотованное»), приводит к различному написанию одного и того же прозвища/имени: *Кадаул*, *Кодаул*, *Кодуал*; *Карабай*, *Коробай*. Сомнительные формы антропонимов из рукописей или публикаций памятников нередко комментируются: «*Демка* прозвище *Шарапко Инфантов* (очевидно, *Нифантов*. – А. М.)», хотя в каких-то случаях комментарий отсутствует (*Ихдевет Карьев*, но он же *Ишдевет Карьев*¹²; *Топсянин* и *Тотсянин*¹³).

Объем словарных статей зависит от того, насколько широко представлено прозвище в памятниках письменности. Большие статьи посвящены обычно оттопонимическим именованиям (*Пермитин*, *Чусовитин*, *Пинежанин*) и антропонимам, выступающим одновременно в качестве прозвищ и некалендарных (древнерусских) имен (*Бажен*, *Богдан*, *Первой*, *Третьяк*, *Шестак*). Ср. *Баженко Безсонов* прозвище *Чебыкин* и *Ивашко* прозвище *Баженко*; *Первушка Иванов сын Осолухин* и *Лучка* прозвище *Первушка Наумов сын Кункин*.

Материал ряда словарных статей дает возможность проследить (иногда предположительно) родственные связи людей и происходящие изменения в их наследуемом оттопонимическом прозвище, что впоследствии могло отразиться на появлении разных фамилий. Так, в Туринском остроге записано, по-видимому, три поколения одной семьи: в 1624 г. – торговый человек *Климко Тимофеев сын Тетюшской* «з детми с *Феткою* да с *Матюшкою*», в 1641 г. – пашенный крестьянин *Матюшка Тетюшской*, в 1680 г. – его сын *Игнашка Матвеев сын Тетюшской*.

Прозвища оказываются актуальными для изучения топонимии, так как многие из них явились основой ойконимов: *Амфилохий Анчук*, основатель д. Анчуковой на р. Тече на землях Далматовского монастыря, до 1719 г.

В конце издания помещен именной указатель, в котором представлены прозвища, получившие далее суффиксы *-ов-*, *-ев-*, *-ин-*, *-ых-* (*Коуров*, *Кряжсев*, *Дедюхин*, *Бочкаревых*), т. е. практически фамилии на основе прозвищ на самой первой ступени своего существования.

Все сказанное выше, во-первых, дает надежное основание для изучения рассмотренных в УИО антропонимов в лингвистическом и историческом аспектах и, во-вторых, свидетельствует о том, что рецензируемый труд может послужить моделью для разработки подобных ономастиконов по другим регионам.

¹² Видимо, опечатка при публикации текста В. Н. Шишонко.

¹³ Видимо, *Тотмянин* или *Тотьмянин* (из Тотьмы).

А. Г. Мосину принадлежит и другое основательное антропонимическое исследование – «Уральские фамилии. Материалы для словаря» (далее – УФ), которое открывает проектируемую многотомную публикацию материалов для будущего «Словаря уральских фамилий» и вместе с тем уже сейчас является самостоятельным словарем фамилий, функционировавших в первой четверти XIX в. в Камышловском уезде Пермской губернии (ныне территория Свердловской и Курганской областей). Это уже иной период в истории русской антропонимии, нежели освещенный в УИО, – время в основном сформировавшихся фамилий. Однако многие материалы этих двух изданий исторически связаны.

Автор подошел к этой работе как историк. Рассматривая историю формирования фамилий, он подчеркивает, что на Русском Севере, с населением которого генетически связана значительная часть населения Среднего Урала, жили преимущественно государственные (черносошные) крестьяне, у которых уже в XVI–XVII вв. происходило становление фамилий, что отражалось в переписях населения. То же имело место и в Приуралье, через которое шло за Урал значительное число крестьян, посадских, ямщиков, стрельцов. Их антропонимы было необходимо фиксировать в переписях, что способствовало закреплению фамилий в деловом языке.

Таким образом, «ранняя фиксация фамилий на Урале, а также высокая степень оседлости основной массы населения края и хорошая сохранность источников позволяют считать издание “Словаря уральских фамилий” делом вполне реальным» [УФ, 5]. Однако выходу в свет такого многотомного словаря должно предшествовать издание материалов для него: не менее шести томов по числу восточных уездов бывшей Пермской губернии. Одному из них (Камышловскому) и посвящено первое издание материалов.

В качестве базового источника используются исповедные росписи как тексты, фиксирующие антропонимы всего населения. Вместе с тем А. Г. Мосин привлекает для изучения и сопоставления обширный материал, начиная с писцовых книг Урала XVI–XVII вв. и кончая современными материалами (книга «Память», телефонные справочники и др.). На такой убедительной основе разрабатываются словарные статьи (расположенные по алфавиту), характеризующие более двух тысяч фамилий отыменного и отпрозвищного происхождения.

Словарные статьи хорошо структурированы, в каждой из них несколько блоков. В статье определяется этимология фамилии – по возможности указывается, от чего она образована, и в результате сопоставления с данными антропонимическими, диалектными, двуязычными и других словарей и лингвистических исследований характеризуется основа фамилии (имя или прозвище). Так, рассматривая основу фамилии *Алябышев (Олябышев)*, автор приводит данные о значениях диалектного¹⁴ слова *олябыш*: ‘маленький караван из ржаной или овсяной муки’, ‘особого рода блин’ [СРНГ], ‘булочка или лепешка (пшеничная, картофельная); сдобная булочка; оладья’ [СРГСУ], ‘вид пирога’ [Фасмер], *олябыш* ‘род ватрушки, лепешки’ (арх.), ‘сочень из теста, запеченный в масле’ (записано в Соликамском у. Пермской губ.) [СРНГ] и т. д. Он отмечает: «Известна колядка: “Хозяйка в дому, как оладья в меду, а детушки, как олябышки”»; того же происхождения фамилия *Алябьев (Даль)*». Вместе с тем приводится и другое значение слова *олябыш* – ‘удар, оплеуха’, а также мнение Н. А. Баскакова о тюркских корнях фамилии *Алябышев*.

Еще пример: основой фамилии *Мещеряков* является слово *мещеряк*, которое одни исследователи рассматривают как этноним – название финноязычных или позднее тюркских племен (Б. О. Унбегаун, В. Ф. Житников, Ю. А. Федосюк), другие в конкретных случаях подчеркивают его оттопонимический характер (с. *Мещеры* – Р. Г. Скрынников) и связывают его как основу фамилии уже с русским населением рязанского левобережья Оки (В. А. Никонов). А. Г. Мосин в лаконичной форме приводит разные взгляды на это слово. Таким образом, в словарных статьях представлен обзор различных точек зрения на этимологию основ фамилий.

Далее в словарных статьях представлен исторический блок: сведения о фиксации рассматриваемой фамилии в разные периоды на различных территориях России. Например, опираясь на материалы словарей и исследований фамилий и прозвищ (работы Н. М. Тупикова, С. Б. Веселовского, Н. Н. Покров-

¹⁴ Однако автор почему-то не пользуется принятыми в лингвистике терминами *диалектное слово* или *диалектизм* и называет диалектные слова *говорными*.

ского, Ю. И. Чайкиной), А. Г. Мосин показывает распространение фамилии *Быков*: «*Быков*, отчинник белозерский, XV в., первая половина; *Андрей Быков*, черниговец, 1654 г.; *Иван Иванович Суморок Быков*, 1499 г.; *Быков Заяц Тихонов*, дьяк новгородского владыки, 1559/1560 г.; *Осип Быков*, казачий десятник; *Андрей Быков*, служилый в Томске, 1648 г.; с 1711 г. фамилия фиксируется в Вологде». Охват значительной территории функционирования одинаковых фамилий свидетельствует об их самостоятельном возникновении в разных регионах.

В книге в связи с анализируемыми фамилиями нередко упоминаются исторические события, имевшие существенное значение на Урале, например при рассмотрении фамилии *Бабинов*: «В 1595–1597 гг. мастер дорожного дела, житель с. Верх-Усолки Артемий Софронович Бабинов руководил строительством дороги, соединившей западный склон Урала с бассейнами сибирских рек¹⁵. Его потомок С. Бабинов в 1670 г. проложил на свои средства дорогу Верхозим – Верхотурье длиной в 200 верст».

Конечно, невозможно было охватить в словаре все случаи употребления фамилии в России, но, как правило, здесь указаны некалендарные имена/прозвища и фамилии, отмечающиеся в Приуралье, так как многие из них были непосредственно принесены на Средний Урал и в Сибирь: крестьянин д. Ныров Погост на р. Косе *Бык Архипов*, 1579; крестьянин пог. Вильгорт на р. Колве *Пронька Быков*, 1579.

В статьях уделяется внимание и фиксации исследуемых фамилий в различных уездах и населенных пунктах на Среднем Урале, в Зауралье: ср. фамилию *Бабин*, отмечаемую в д. Бабино Верхотурского уезда, в Белоярской Течинской слободе, Арамильской слободе, Уктусе, в документах Далматовского монастыря.

В значительной части статей присутствует топонимический блок, отражающий связи антропонимов и топонимов: фамилия *Глухарев* (от прозвища *Глухарь*) – д. *Глухарёво* в Режевском р-не, пос. *Глухариный* в Ивдельском районе, пос. *Глухарь* в Шалинском районе; фамилия *Куликов* – д. *Куликова* была в Невьянской слободе, д. *Куликовская* – в приходе Прокопьевской слободы, д. *Куликова* есть в Слободотуринском районе. Большой топонимический неуральский материал привлечен по данным Кировской области: фамилия *Коробейников* – в разных районах Кировской области есть пять деревень с названием *Коробейники*; фамилия *Куликов* – в Кировской области д. *Кулики* (Тужинский р-н), *Куликово* (Верхнекамский, Лузский р-ны), *Куликовская* (около Кирова) и *Куликовицина* (Халтуринский р-н).

Самую большую часть словарных статей составляют материалы исповедных росписей Камышловского уезда, причем не просто перечисляются его жители 1822 г., но во многих случаях дается характеристика их семейных связей или их предков: «В числе предков заводских непременных работников и мастеровых Каменского завода мог быть драгун этого завода Тимофей Иванович Зыков, живший с отцом Иваном Саввичем (Савиным) в с. Покровском в Камышловской слободе (сейчас в Каменском районе); отец дьячка Камышловской сл. Кирилла Дмитриевича Зыкова, уроженца Верх-Ницынской сл., “был у церкви в пономарях” (перепись 1680 г.), что позволяет предположить связь исходного прозвища с пением в церкви¹⁶».

В конце каждой словарной статьи дан цифровой ключ, который позволяет по представленным в приложении схеме деления Камышловского уезда на приходы и таблицам о составе приходов Камышловского уезда Пермской губернии в 1822 г. установить место (или места), где зафиксирована фамилия, – названия прихода, населенного пункта в 1822 г., наименование в настоящее время и отнесение его к району и области по современному административному делению. Для установления состава приходов А. Г. Мосиным было проведено топонимическое исследование территории Камышловского уезда в сопоставлении с современной ойконимией изучаемой территории, выявлены сохранившиеся, изменившиеся или утраченные впоследствии ойконимы, исчезнувшие поселения.

В материалах для словаря «Уральские фамилии», как и в УИО, последовательно выдержаны принятые в источниковедении правила публикации текстов памятников и весьма корректно используются (с постоянными ссылками на авторов) исследования по истории и этимологии исследуемых именований.

¹⁵ Речь идет о знаменитой Бабиновской дороге от Соли Камской (Усоля Камского) до Верхотурья, сократившей в несколько раз путь за Урал. Раньше это был в основном речной путь: он шел из Перми Великой (Чердыни) по Вишере и ее восточным притокам через Уральский хребт в притоки Сосьвы.

¹⁶ *Зык* – человек с громким голосом.

Таким образом, в словаре «Уральские фамилии» представлен очень тщательный анализ обширного антропонимического и топонимического материала, что дает надежные данные ономотологам, лингвистам, историкам, этнографам, географам и краеведам.

Иной этап лексикографии уральских фамилий представлен в книге А. И. Назарова «Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков», посвященной подготовке к составлению словаря, – подробному анализу становления и функционирования фамилий казаков, проживавших в бассейне р. Урала (Яика) на землях бывшего Уральского казачьего войска, центр которого, город Уральск, был образован в 1613 г. (возможно, и ранее – в 1584). В книге рассмотрены фамилии одного сословия (в прошлом основного для этой территории), но всех его представителей различных конфессий и конфессиональных течений. Фамилии изучены по материалам 1586–1920 гг. (т. е. на протяжении трех с половиной веков их формирования и функционирования) в разных аспектах и весьма детально.

В основу исследования положен обширный рукописный материал Центрального государственного архива Республики Казахстан XVIII–XX вв. – документы Уральского казачьего войска: исповедные книги, духовные росписи, духовные ведомости, метрические книги, списки казаков, служащих по найму, копии приговоров и приказов на осужденных, документы освидетельствования испытуемых в Уральской войсковой больнице, книги брачных обысков и др. Источниками, особенно важными для изучения истории фамилий, оказались метрические книги и исповедные ведомости, так как они содержат фамилии отца или матери (последнее для незаконнорожденных), фамилии и возраст умерших, а также вступающих в брак.

Кроме того, для привлечения материалов более раннего периода использованы обширные сведения из печатных источников – работ по истории уральского казачества. Это позволило обнаружить многие семейные связи носителей фамилий и проследить возникновение исследуемого антропонима, передачу его по наследству в разных поколениях, что особенно важно для рассмотрения путей формирования фамилии как самостоятельного явления в русской антропонимической системе, для установления хронологии разных этапов становления конкретных фамилий.

Рассматривая на исследуемом материале дискуссионный вопрос о процессе становления фамилии как самостоятельного члена сложного антропонима, А. И. Назаров полагает, что для этапа XVI – начала XVII в. правомерно говорить еще не о фамилиях, а о родовых именах, т. е. именовании, восходящих к имени или прозвищу не отца, а более далекого предка¹⁷, но в каких-то случаях – об отчествах или прозвищах. Долгое время фамилиеобразующие суффиксы *-ов/-ев-*, *-ин-* в документах уральского казачества использовались непоследовательно, наблюдаются колебания в оформлении именовании одного и того же человека (*Будан* и он же *Буданов*, *Шербак* и *Шербаков*, *Железный* и *Железнов*), и только к концу XVIII в. формы фамилий стабилизируются, что свидетельствует об окончательном утверждении этого вида именовании людей.

Большое внимание в работе уделяется характеристике основ фамилий уральского казачества, около четверти которых (20–25 %) составляют образованные от полных календарных имен и их производных¹⁸. Отыменные фамилии характеризуются в сопоставлении с результатами изучения их различными исследователями (Ю. А. Федосюком, В. А. Никоновым, Л. М. Щетининым, М. Б. Серебренниковым, Б.-О. Унбегауном, В. А. Митрофановым) по другим источникам.

Однако для решения вопроса о времени формирования фамилий казачества актуален прежде всего анализ отпрозвищных именовании. Он позволил утверждать, что большая часть фамилий уральских казаков имеет местное происхождение, многие их основы прослеживаются в именовании, быто-

¹⁷ Так, по мнению автора книги, в сложных антропонимах именовании *Барабоша*, *Боров*, *Гайдук*, *Гугня*, *Дуда*, *Зезя*, *Лысой*, *Мещеряк* могут быть истолкованы либо как вторые имена (индивидуальные прозвища), либо как родовые имена.

¹⁸ В книге приведены данные разных исследователей о календарных именах как основе фамилий: Ю. А. Федосюк – более половины от христианских имен, Л. М. Щетинин – 35 %, М. Б. Серебренников – четвертая часть всего фамильного фонда и т. д. Данные А. И. Назарова, как и данные М. Б. Серебренникова, представляются нам наиболее реальными как результат исследования больших массивов фамилий, они совпадают с результатами исследования пермских фамилий, в которых также около 25 % составляют образованные от календарных имен и их производных.

вавших на Яике в XVII–XVIII вв., а иногда отмечаются и в последней четверти XVI в. Значительную часть предков уральских казаков составляли беглые солдаты или крестьяне, которые, будучи ранее крепостными, либо не имели официально зафиксированных фамилий, либо скрывали их, чтобы не быть опознанными и возвращенными прежним владельцам. Автор исследования постоянно подкрепляет свои выводы результатами наблюдений над антропонимами: «Так, беглый солдат Михаил Волков на Яике стал именоваться Краснощековым. Во время допроса в 1723 г. он сказал, что прозвище переменял нарочно, чтобы не узнали».

Местное происхождение ряда фамилий подтверждается ссылками на их основы, пришедшие (через прозвища) из апеллятивов, называвших представителей флоры и фауны в бассейне Урала (*тудак* – вид крокодила, *сайгак* – вид антилопы), а также из местных топонимов.

В связи с необходимостью подробно рассмотреть фамилии, образованные от индивидуальных прозвищ или некалендарных имен¹⁹, А. И. Назаров классифицирует фамилии уральских казаков, опираясь на классификацию отпрозвищных фамилий и прозвищ А. М. Селищева и вместе с тем дополняя ее. Подробно рассматриваются антропонимы, образованные от названий профессий, занятий, должностей, званий, титулов (*Ружейников, Оружейников, Стрельников, Сотников, Десятников, Караульчиков, Солдатов, Воеводин, Комиссаров, Казаков*), фамилии, в основах которых отражаются особенности хозяйственной деятельности проживавших в бассейне Урала (*Бударников* – от *бударник* ‘мастер, изготавливающий будары – рыбацкие лодки’, *Белужников* – от *белужник* ‘рыбак, промышленный белугу’, *Пролубицков* – от *пролубиц* ‘тот, кто прорубает и очищает от льда проруби’, *Корабельчиков* – от *корабельщик* ‘начальник или владелец судна’). Интересно, что среди казачества были носители фамилий, образованных не только от прозвищ из названий профессий, актуальных, например, для конных казаков (*Ковалев, Кузнецов, Жеребятников, Пастухов, Кожевников, Мясников, Овчинников*)²⁰, но и характерных для разных слоев населения (*Блинников, Калашиников, Мельников, Пивоваров, Толоконников, Солодовников, Изюмников, Бочкарев, Ведерников, Дегтярев, Железнов, Кирпишников, Корчажников, Котельников, Мостовицков, Плотников, Портнов, Слесарев, Стекольников, Токарев, Чеботарев, Черепанов, Шароварников*). Они могут свидетельствовать и о побочных занятиях самих казаков.

Большое внимание уделено анализу оттопонимических и этнонимических фамилий. Сравнение оттопонимических антропонимов словарей А. Г. Мосина и книги А. И. Назарова показывает, насколько различными были территории, откуда шло основное население в изучаемые ими края. Если в Предуралье и на Среднем Урале преобладали прозвища и фамилии, образованные от топонимов Русского Севера (*Пинягин, Вологжанинов, Мезенцев* и др.), то среди уральского казачества, судя по прозвищам и фамилиям, преобладали выходцы с Волги (в ее среднем и нижнем течении) и с территорий к югу от Москвы (*Азовсков, Астраханкин, Воронжеев, Казанцев, Калугин, Муромцев, Резанов, Самаркин, Саратовцев, Свягин, Тамбовцев*), хотя отмечаются и выходцы с Верхней Волги и из Прикамья (*Осинков, Чердынцев*)²¹, а иногда и с Русского Севера (*Ко(л)магоров*).

Значителен список этнонимических фамилий уральских казаков (*Вотяков, Волохов, Грузинцев, Калмыков, Малороссиянцев, Мещеряков, Мардовичев, Поляков, Турчев, Хохлов, Хивинцев, Цыганов* и др.). Специальное рассмотрение этнонимов, вошедших в антропонимию, представляет интерес не только для ономастологов, но и для лексикологов – исследователей апеллятивной лексики. Так, в уральских кунгурских актах 1707 г. упоминаются кизылбашские (персидские) кружева («Два портища кружив кизылбашских шестерных») [СПП, 2, 152], что свидетельствует о связях с Востоком. А. И. Назаров отмечает, что среди яицких казаков в XVIII в. жили *кизилбаши/кызылбаши* – потомки туркмен и персов, о чем говорят именованья казаков-калмыков (*Казылбашев, Казылбашев, Козылбашев, Кызылбашев*), а в русской антропонимии, возможно, фамилия *Козылбацков*.

¹⁹ Четкую границу между некалендарными именами и индивидуальными прозвищами обычно провести невозможно, однако в текстах памятников выявляются некоторые внутрисемейные именованья, которые можно считать вторыми (некалендарными) именами: *Ждан, Бажен, Любим, Первуша, Перша, Вторыйка, Вторышка* и др.

²⁰ Необходимо было лошадей подковывать, пасти, оставшиеся от них шкуры и кожи выделывать и т. д.

²¹ *Оса* и *Чердын* – города современной Пермской области.

Большое внимание в книге уделяется исследованию фамилий казачества с основами из иноязычных слов и имен. Такие именованья отмечались у казаков, предками которых были нерусские (татары, башкиры, калмыки, мордва и др.), принявшие православие. Но их нерусские именованья сохранялись в качестве родовых либо вторых (некалендарных) имен, употреблялись в живой речи и при образовании фамилии как официального антропонима, обычно становясь ее основой, к которой присоединялись принятые фамильные русские суффиксы *-ов/-ев-*, *-ин-*: *Асанов, Баимов, Кадыров, Аблаев, Сапаев, Кабаев, Джангарин* и др.

Для исследователей ономастики, обращающихся к антропонимическим материалам, несомненный интерес представляют данные в качестве приложения три списка фамилий и вариантов фамилий уральских казаков: «А. Казаки-русские и обрусевшие казаки», «Б. Фамилии казаков-татар и прочих казаков-тюрков», «В. Фамилии казаков-калмыков». В списке А представлены фамилии от календарных полных и производных имен (*Агапов, Ананьев, Еремин, Емелин*), русских апеллятивов, вошедших в фамилии через прозвище (*Жеребятников, Жуков, Полозов, Шадрин*) и от иноязычных имен и прозвищ (*Алимов, Джеляманов, Кадыров, Юлаев*). В списках Б и В, где отмечаются фамилии татар и калмыков, наряду с тюркскими и калмыцкими (монгольскими) основами зафиксированы и отдельные фамилии от календарных православных имен и русских прозвищ (*Белоусов, Андрейкин, Гришкин*), но все фамилии в списках Б и В оформлены суффиксами *-ов/-ев-*, *-ин-*, как и в списке А. Любопытно, что в последнем нет фамилий «природных» казаков на *-ский/-ской*²² (они тоже в итоге имеют суффикс *-ов-*: *Азовсков, Березовсков, Дубовсков*) и на *-их/-ых-* (*Белых, Высоких*), которые отмечаются в Предуралье и на Среднем Урале (но не для казаков).

В книге подробно рассмотрены вопросы разработки проектируемого «Этимологического словаря фамилий уральских (яицких) казаков»: его источники, проблема определения вариантов фамилий, вопросы графики, состав словника (в том числе вопрос о представлении в нем фамилий казаков разных национальностей), структура словарной статьи и др.

Изучив вопрос о датировке фиксации фамилий в исторических антропонимических словарях, А. И. Назаров приходит к выводу о том, что осуществить датировку фамилий уральских казаков можно начиная только с 1723 г. (времени ранней переписи). Составленные до этого документы не отражают всех фамилий казаков, эти даты рассматриваются как случайные, поэтому приводить их нет смысла. Однако в некоторых помещенных в книгу пробных словарных статьях ранние даты фиксации фамилии все-таки указываются: БОРОДИН. Яицкий казак *Прошка Михайлов сын Бородин Саратовец*, 1632; ЗАМАРЕНОВ. Яицкий казак *Егор Максимович Замаренов*, 1709; КАЛМЫКОВ. Яицкие казаки *Сенка Васильев Калмык*, 1632; *Иван Степанов Калмыков*, 1723. Вместе с тем значительная часть фамилий в пробных статьях представлена без датировки (*Кабаев, Куджаев, Кочемасов, Курилин, Мартышкин* и др.).

В этимологической части словарной статьи предполагается установление источника фамилии: антропоним – личное имя (календарное, некалендарное, иноязычное) или прозвище, – топоним, катойконим, этноним, словосочетание. Будет дана и дополнительная информация о лексических источниках основ фамилий: «МУРОМЦЕВ... Основа восходит к катойкониму *муромец*. *Муромец* – “житель/уроженец Муром”. *Муром* – древнерусский город, известный с 862 г. [Города России 1994, 285]».

В том случае, если фамилия могла быть производной от различных форм имени или от имени и прозвища, все возможные варианты указываются в словарной статье: «МАРТЫШКИН. Основа восходит к антропониму *Мартышка* {1. Уменьшительное к *Мартын* – русской народной форме крестильного имени *Мартин*, в основе которого отразилось имя римского бога войны Марса [Суперанская 1998, 232]. 2. Возможно, его источником является уральско-казачье диалектное *мартышка* – “чайка” [Сборник слов 1913, 39]}».

Предполагается, что словарь будет лингвокраеведческим, а именно включающим информацию об известных носителях фамилии, принадлежащих к уральскому казачеству: сподвижниках Емельяна Пугачева (Чике-Зарубине, Овчинникове, Шигаеве), писателе и этнографе И. И. Железнове, публици-

²² Антропонимы на *-ский* (*Романовский, Ставровский*) отмечены среди фамилий так называемых «неприродных», т. е. нерусских по происхождению казаков.

стах и этнографах А. П. Хорошихине, Н. Ф. Савичеве, историке А. Б. Карпове, ихтиологе и историке Н. А. Бородине и др. В каких-то случаях будут приводиться и сведения о лицах, не имевших непосредственного отношения к уральскому казачеству, например в статье о фамилии *Чапаев*: «Основа восходит к татарскому мужскому имени *Чанай*... Возможно, и фамилия героя Гражданской войны В. И. Чапаева имеет то же самое происхождение. Как известно, он родился в крестьянской семье на территории нынешней Чувашии, до революции 1917 г. входившей в состав Казанской губернии, т. е. сам В. И. Чапаев и его предки жили в окружении тюркоязычных народов – чувашей, татар. От них-то и могло быть заимствовано имя *Чанай*».

Безусловно, предстоит еще очень большая работа по написанию и совершенствованию текста словаря фамилий уральского казачества (выработка более жесткой терминологии²³, определение границ краеведческого материала и т. д.), но и сделано уже очень многое, сделано главное – получен и систематизирован очень большой материал, не известный ранее антропонимистам, и подготовлены материалы (лингвистические, исторические, этнографические и др.) для сопоставления. Такой словарь заполнит очень большую лауну на ономастической карте границы между Европой и Азией. И это весьма необходимо, тем более что сами исследуемые именованья отражают связи языков разных семей.

Итак, три больших книги по антропонимии обширной территории от Северного Урала до бассейна р. Урал (вплоть до ее устья) – это и результат значительного труда, проделанного их авторами, и начало еще большей работы, в результате которой появятся новые антропонимические словари. Пожелаем же успеха их составителям! Ономатологи с нетерпением ждут появления новых книг и словарей об уральских фамилиях!

Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

Житников В. Ф. Фамилии уральцев и северян: Опыт сопоставления антропонимов, образованных от прозвищ, в основе которых лежат диалектные апеллятивы. Челябинск, 1997.

Королева И. А. Фамилии Смоленского края в прошлом и настоящем. Смоленск, 1999.

Кривошекова-Гантман А. С. Фамилии от имен на -ег, -ог // Ономастика Поволжья. 4. Саранск, 1976. С. 91–94.

Никонов В. А. География фамилий. М., 1988.

Полякова Е. Н. К истокам пермских фамилий: Словарь. Пермь, 1997.

СПП – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII в. / Сост. Е. Н. Полякова. Вып. 1–6. Пермь, 1993–2001.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Туников Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

Чайкина Ю. И. Вологодские фамилии: Словарь. Вологда, 1995.

Шумилов Е. Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермьяки. Пермь, 1991.

Щетинин Л. М. Русские имена: Очерки по донской антропонимике. Ростов н/Д., 1972.

Е. Н. Полякова, доктор филол. наук,
проф. кафедры общего и славянского языкознания
Пермского государственного университета

²³ Так, для православных календарных имен используются дублетные именованья: *календарное, крестильное, церковное имя*. Читателю удобнее видеть в стандартном тексте какое-то одно из них.